

Культура. - 2002. - 17-23 янв. - с. 10

Нарцисс, фигляр и гений

Д. Дюбал. "Вечера с Горовицем".

М., "Классика-XXI", 2001 г.

Владимир

В жизни гениев для нас, простых смертных, важна каждая мелочь — ведь по большому счету именно они делают великих не хрестоматийными героями "в рамочке", а живыми людьми. В книге Дэвида Дюбала о Горовице, впервые вышедшей на русском языке в издательстве "Классика" (перевод С. Грохотова), осененный харизматическим ореолом образ великого музыканта предстает перед читателем в высшей степени жизненным, цельным и подкупающе правдоподобным. А ведь в данном случае добиться этого было архисложно, ибо личность "императора всех пианистов" чудовищно, почти гротескно противоречива. Горовиц, последний представитель исчезающей "расы гигантов" и в свое время едва ли не самый популярный пианист мира, отличался вызывающей оригинальностью поведения и экстравагантностью суждений. О его астрономических гонорарах, склонности к эффектам и "шоуменским" выходкам, непомерных требованиях к бытовому и артистическому комфорту ходили легенды. Горовиц — сибаритствующий "нарцисс" и откровенный фигляр; Горовиц, который своей игрой способен погрузить слушателей в благоговейный транс, а спустя несколько минут ребячливо дурачиться; Горовиц, прилюдно обсуждающий проблемы пищеварения и без колебаний готовый выставить за дверь всякого, кто явился в его дом без галстука-бабочки, — все эти бесчисленные лики и гримасы эксцентричного гения, как в калейдоскопе, мелькают на страницах мемуаров.

Профессионализм музыканта, психологическое чутье и настоящая журналистская жилка (Дюбал — пианист и профессор Джульярда, музыкальный редактор нью-йоркской радиостанции WNCN) позволили автору воспроизвести свои беседы с Горовицем живо, колоритно.

Определенной долей привлекательности книга обязана шокирующим откровениям и интригующим подробностям, связанным с частной сферой жизни Горовица. Будучи типичным американцем, Дюбал охотно прибегает и к приемам психоаналитической интерпретации. "Искусство пианиста рождалось в его проникнутой эросом трепещущей душе. В этом — главный источник его обращения к публике: рояль был его плотью, а аудитория — объектом вождления. Что бы ни играл Горовиц, все звучало у него сексуально". Подобные пассажи, сколь бы эпатажными они ни казались, написаны не "клубнички" ради: они

действительно во многом — суть артистического темперамента пылкого "рыцаря фортепиано".

За непринужденными разговорами о музыке и музыкантах рельефно вырисовывается тот мир, в котором жил Горовиц. Космополитизм, свобода и воинствующий материализм, свойственные американскому укладу жизни, превосходно соответствовали натуре самого музыканта. Только в этой стране, живущей под лозунгом "Сотвори себе кумира", вполне нормально воспринимаются высказывания вроде: "Я сама фанатка хеви металл, но Горовиц лучше". Горовиц жаждал славы и не был равнодушен к мамоне; он беспрестанно метался между двумя ипостасями — высокого полета художника, во всей полноте выразившего величие и славу фортепиано, и виртуозного трюкача, умеющего ловко срывать аплодисменты. Культурный герой XX века, Горовиц был настоящим человеком, а посему само человечество вызывало в нем огромный интерес. Свою философию, а точнее мироощущение артиста, он удачно выразил во время одной из бесед с Дэвидом Дюбалом: "У Моцарта, Шопена, Шумана, Баха и Гайдна были такие же кровь, жилы, пульс, такое же сердце и мозг, как у нас сегодня. Могут быть изменения в окружающей обстановке, но человеческая сущность одна и та же... Почему мы сегодня так боимся выражать в музыке свои чувства? Моцарт был так же грешен, как мы. Он умер, потому что слишком много пил, но в своей музыке он парил в высших сферах. Он пел как птица. Великие композиторы были людьми, и я люблю их как людей".

Лада АРИСТАРХОВА